

«Почему ты плачешь, сынок?»

Сынок. Я прошёл более десяти тысяч миль, чтобы услышать это слово. Но, глядя на отца в этой инвалидной коляске, я мог сказать, что всё по-другому. У этого слова не было истории. В нём не было эха лет, проведенных в кузнице, не было воспоминаний о том, как отец засыпает под первые песни своего сына.

Нет. Отец смотрел на меня как на человека, на которого он наткнулся в парке, заплаканного и одинокого. Я мог представить, что бы он сделал в таком случае - протянул бы руку помощи. Отец сел бы рядом с ним, выслушал и предложил плачущему выпить. Он был добрым. И он остался таким же как я его помнил.

Мне не было нужды плакать.

Поэтому я посмотрел на него и заставил улыбку появиться на лице. Она была натянутой, и влага всё ещё не высохла на моей щеке, но я больше не плакал. Не перед отцом. Я попытался рассмеяться. Звук получился похожим на всхлип, но, всё же, это был смех, я провёл рукавом по лицу. Слезы продолжали течь, даже когда я улыбался.

«Я плачу по глупой причине,» - сказал я, вытирая лицо обеими руками. «Не обращайтесь внимания, отец.»

Он наклонил голову в сторону: «Отец?»

Я встретил его взгляд, и будто сотни иголок вонзились в моё сердце. Я покачал головой: «Простите. Я принял вас за кого-то другого. Вы не можете быть им - мой отец был моложе.»

Ложь.

«Вы просто напомнили мне о нём, вот и всё.»

Отец долго смотрел на меня, казалось, в раздумье. Затем он улыбнулся и жестом указал на землю рядом со своим инвалидным креслом. Я сел на траву. Мягкую и прохладную. Сидя рядом со мной, отец снова перевёл взгляд на рябину перед нами.

«Как тебя зовут, сынок?»

Роуэн.

«Ашран.»

«Не хочешь ли выпить, Ашран?»

Я Роуэн. Не Ашран.

«Да, пожалуйста.»

Отец положил руки на колёса своего кресла и подкотил его к пню рядом с рябиной. Он взял чайник, от которого всё ещё шёл пар, и налил мне чашку шаа. Он вернулся ко мне. Протянул мне чашку. Трясущимися руками я поднёс её к губам и сделал маленький, размеренный глоток.

«Ты опять плачешь,» - сказал отец, добродушно улыбаясь. «Неужели чай старика так плох?»

Я покачал головой: «Нет. Это просто...» Я запнулся и снова засмеялся. Низко, тихо. Смех вышел хрупким. Я уставился на чай и почувствовал, как улыбка на моём лице дрогнула: «Я искал кое-кого сегодня. Или кое-что. Я не знаю. Знаю только, что не нашёл того, что хотел найти.»

Отец усмехнулся: «Возможно, чужой сад - не лучшее место для поисков.»

«Это правда. Но это было единственное место, куда я мог пойти.»

«Почему ты так говоришь?»

«Я думал, что мой дом всё ещё здесь.»

Он кивнул: «Мне жаль. Мы с женой владеем этой землёй уже девятнадцать лет. Твои родители, скорее всего, давно переехали. Хочешь, я спрошу, где прежние владельцы?»

Девятнадцать лет. Они владели этим домом дольше, чем я жил. И за это время они вырастили второго сына. После осознания этого, маска самообладания, которую я заставил появиться на своём лице, стала казаться такой хрупкой. Я сжал чашку так крепко, что она могла разбиться. Но мои руки были слабыми. В них не было силы, когда я издал пустой смешок.

«Нет, не нужно. Я... закончил. Закончил поиски,» - сказал я. «Это была моя последняя остановка.»

Отец кивнул, и мы погрузились в молчание. Я пил из своей чашки. Он пил из своей. Затем он перевёл взгляд на меня, ища. Ища что-то.

«Что ты считаешь домом, Ашран?»

Мне потребовалось мгновение, чтобы ответить. Я посмотрел на качающиеся ветви над головой. Листья солнечников, синие, как летнее небо.

«...Думаю, дом - это место, где я могу проводить время с близкими мне людьми. Где я могу проснуться, позавтракать и поговорить с ними о бессмысленных вещах. Например, о чае. Или о том, какие слова звучат интереснее всего.»

«Как налогообложение?»

«Откуда вы знаете?»

Отец усмехнулся и пожал плечами, выглядя довольным. «Это интуиция старика,» - сказал он. «Когда человек становится старше, иногда он просто знает. Иногда это правильные слова, которые нужно сказать. Иногда он знает, что ему нужно извиниться за что-то, что он сделал. А иногда он знает, когда молодому парню нужно послушать проповедь старика.»

Он посмотрел на меня, наклонив голову.

«Могу я предложить тебе совет, Ашран?»

Я опустил взгляд на свою чашку, на золотую жидкость, в которой отражалось чужое лицо.

Я кивнул, и отец посмотрел вверх, на рябину.

«Перестань искать свой старый дом, сын. Иди в тот, который у тебя уже есть. В тот, где есть

завтрак и ужин, и люди, с которыми ты можешь говорить о бессмысленных вещах.»

«...Откуда вы знаете, что мне есть куда идти?»

Отец улыбнулся и постучал каменным пальцем по виску.

«Иногда человек просто знает.»

Я долго смотрел на свой чай. Я больше не плакал. Сердце болело, но не грозило разбиться. Я успокоился. Я не знал, когда, но разговор с отцом вывел меня из состояния глубокой безнадежности, которую я чувствовал всего несколько минут назад. Я быстро, шумными глотками выпил остатки своего шаа. Он был горячим. Он обжигал моё горло.

Но это нормально. Я встал, тяжело дыша, ноги дрожали, но я устоял. Сердце очень сильно болело, но я мог стоять.

Потому что печаль, которую я чувствовал, была доброй и нежной. Она была огромной, как море, но ни одна волна не разбилась о моё сердце. Её поверхность была неподвижна, как зеркало, наблюдая за мной и предлагая исследовать её глубины в темпе удобном мне.

Я полагаю, что это вполне уместно, что печаль, которую оставил мне отец, была такой, какой она была. Я улыбнулся мужчине из моего детства.

«Могу я как-нибудь вернуться сюда на чай, Ругш?»

Он моргнул: «Конечно, но... откуда ты знаешь моё имя?»

Я постучал не совсем каменным пальцем по виску: «Иногда человек просто знает.»

Отец моргнул и открыл было рот, чтобы ответить, но тут нас прервал голос из дома. Голос Кербана. Отец повернул голову в сторону дома, когда из кухни раздался крик моего брата. «Эй, папа!? Где ты оставил чайник?»

«Он у меня!» - ответил отец, а я слабо улыбнулся и сделал один шаг назад. Моя нога погрузилась в тень.

И когда Ругш повернулся, чтобы снова заговорить со мной, я уже исчез.

Бар Кенетта оставался полон даже поздней ночью. В "Типпи Тап" было много обычных людей - рабочих, отдыхающих после вечерней смены, сплетничающих жен, занимающих места в углу, и бродячих пьяниц, ищущих очередную кружку эля. Он любил наблюдать за ними, стоя перед своей коллекцией винных бутылок и проводя тряпкой круги по сверкающей столешнице.

Дородный амарид обходил бар вместе со своим официантом, доливая напитки и ведя короткие беседы с завсегдатаями. Немного жалоб о работе здесь, немного супружеских сплетен там, и Кенетт получал довольных клиентов и хорошую репутацию. Именно это и обеспечивало ему постоянных клиентов.

А таковыми были все люди в баре. Кроме одного.

Кенетт взглянул на мужчину, сидевшего у стены. Он был бледен. Возможно, это был самый бледный человек, которого Кенетт когда-либо видел. Он, конечно, слышал о них.

Снежнокожие. Или альбиносы, как их называли. Некоторые люди могли бы назвать этого человека жутким. Или, возможно, более грубый клиент назвал бы его проклятым - тронутым Зимним Двором, получившим цвет снега и обреченным на вечный мороз. Кенет знал лучше. Нет, проклятия были суеверием, а Зимний двор - всего лишь детской сказкой. Фейри долгих морозов давно исчезли.

Живых Предков осталось не так и много. И никто из них не имел отношения к Зимнему Двору.

Так что с бледным человеком, сидящим в трактире, всё в порядке, хотя он и немного несчастен. Потрёпанная одежда и жалкое выражение лица почти убедили Кенета, что он не сможет заплатить за выпивку. Даже прекрасная лютня, которую он держал в руках, была поцарапана! Кто-нибудь может даже подумал бы, что он её украл. Но Кенет никогда не судил по внешности, поэтому он всё равно шагнул вперёд, чтобы наполнить напиток этого господина.

Он поставил перед клиентом тарелку с закусками и улыбнулся: «Холодная ночь, не так ли? Дожди в это время года всегда раскрывают худшие черты Фельзана. В этой части леса прохладно, но не холодно. Не то что сегодня.»

Бледный человек рассеянно кивнул: «Это был долгий путь. Холодный, мокрый. Неприятный.»

«Ммм. Я уверен, что для такого барда как ты, путешествие оказалось опасным. Ты пришёл с севера?»

«...Запада.»

Кенет моргнул. Запад? Там, где испорченные? Очень опасно. Особенно если этот человек прибыл из-за пределов Хартленда. Ему повезло, что он остался жив! Наклонившись вперёд, Кенет осмотрел сидящего перед ним путника. Он выглядел усталым. А его одежда в некоторых местах была испачкана тёмными пятнами. Грязью? Кровью?

Возможно, этот незнакомец видел сражение на своём пути.

«Ты видел их?» спросил Кеннет, смочив губы. «Шиссави на западе, сражаются с испорченными. Я слышал, что первый принц был послан сражаться с ними несколько месяцев назад. С тех пор не было никаких новостей. Только не говори мне, что фронт пал перед Багровым приливом?»

«Саер Халкин в порядке,» - сказал незнакомец, покачав головой. «Армия, размещённая на западе, недавно разработала новое оружие для борьбы с испорченными. Новости об этом скоро достигнут и Фельзана.»

Кеннет испустил вздох облегчения.

«Спасибо Предкам за это, незнакомец. Я уже начал волноваться! Если бы порча добралась до нас, до Фельзана, я бы не знал, что делать.»

«Бежать.»

«Пардон?»

Мужчина посмотрел на Кеннета своими глазами: поразительным серебром, словно звёздным светом, отлитым в кольцо, которое идеально вписалось в тёмные глазницы мужчины: «Если порча доберётся сюда, тебе, вероятно, придётся бежать. Если это новое оружие не сможет

уничтожить багровых, не думаю, что что-то сможет.»

Кеннет покачал головой, положив руку на плечо мужчины. «Давай не будем пессимистами, друг. Верь в принца! Как говорится, саер Халкин всегда найдёт выход.»

«Я бы не сомневался в этом, зная его.»

«Действительно,» - усмехнулся Кеннет. «Как твоё имя, друг?»

«Ашран.»

«Ааа ... адепт. На старом каэри. Хорошее имя. Ты должен благодарить своих родителей за то, что они наделили тебя таким благословенным даром, юный Ашран. Твоё имя приносит удачу!»

Клиенту стало горько от его слов, атмосфера вокруг обоих внезапно стала мрачной. «Я бы поблагодарил одного из них за многое,» - сказал Ашран, - «но никто из них не помнит меня. Ни капельки. Отстой, верно?»

Кеннет кивнул в знак понимания. Болезни мозга. Проблема старости, ухудшающая память и снижающая способность мыслить. Это всегда ужасно.

«Мои соболезнования, Ашран. И бесплатный напиток,» - сказал он, стукнув костяшками пальцев по столу мужчины. «Это за счёт заведения.»

Незнакомец кивнул в знак благодарности, и Кеннет указал на лютню.

«Ты играешь, друг?»

«Немного.»

«Знаешь какие-нибудь популярные песни? Классические?»

Ашран на мгновение уставился на свою лютню, на его лице появилось нечитаемое выражение. «Много и того, и другого,» - сказал он, и Кеннет кивнул.

Бармен указал на кружку, стоящую перед ними. «Тогда, если тебя не затруднит, мне кажется, что этому бару время от времени нужно что-то свежее. Что-то новое. Бродячий бард вроде тебя - именно то, что нужно. Что скажешь? Сыграешь один вечер для "Типпи Тап"? Если ты согласишься, я буду считать любые заказы стоимостью до трёх лун каэри бесплатными.»

Бледный человек задумался на мгновение, а затем кивнул. Ашран встал из-за стола, и Кеннет моргнул, когда он поднялся. Он возвышался на семь футов. Гораздо выше, чем тучный Кеннет, который не дотягивал и до половины шести. Мужчина посмотрел на него сверху вниз: «Где ты хочешь, чтобы я играл?»

Кеннет моргнул: «П-прямо по центру, пожалуйста. Между столами есть свободное место для таких бардов, как вы. Сэр.»

«Спасибо.»

Ашран прошёл на середину, и шум в таверне затих. Взгляды переместились на барда, стоящего в центре, покрытого рваными одеждами и с поцарапанной лютней. Это было зрелище прямо из сказок - человек в тёмном плаще, без единого звука ступающий по скрипучим полам. Так выглядели барды за пределами города.

Такие барды, чьей музыке есть что сказать.

Один из завсегдатаев отстранился от своего столика, чтобы пошептаться с Кенеттом, бросив быстрый взгляд на великана, стоявшего по центру таверны. «Кто он? Известный бард с юга?» - спросил завсегдатай, и Кенетт пожал плечами.

«Он не назвал мне имени, которое я бы узнал, так что, скорее всего, нет. Но он не обделён внешностью, не так ли?»

«Ха! Дело в росте, я думаю. Будем надеяться, что он играет так же хорошо.»

Кенетт кивнул, наливая сидящему перед ним человеку выпить, пока пальцы Ашрана перебирали струны. Теперь все взгляды были устремлены на него. Смотрели. Ждали, когда начнётся музыка. Ашран вздохнул, закрыл глаза...

А потом мужчина заиграл, и всё исчезло. Как только началась песня, всё остальное испарилось. Осталась только музыка. И только мужчина в центре, и звуки, издаваемые его лютней, не похожие ни на что, что когда-либо испытывал Кеннет. Каждая нота была словно новый опыт. Запах. Прикосновение. Долгое, пустое затишье после далекого путешествия, каждый шаг которого отразился в песне. Трактирщик стоял и слушал музыку, которая говорила больше, чем слова.

Завороженный. Пойманный чарами.

Но потом чары кончились, слишком быстро. Кеннет моргнул и вышел из оцепенения. Он потрогал своё лицо, щеку и уставился на влажные кончики пальцев.

«Ха,» - сказал он, его голос был мягким.

До этого дня он не знал, что музыка может быть такой тяжёлой.

<http://tl.rulate.ru/book/60551/2052441>